

С радостным настроением я вернулся в Тунсиньцзюй — так я назвал этот дом. Хотя это жилище Цин Ту в мире людей, он почти не заботился о его убранстве. За последние несколько месяцев я приложил немало усилий, чтобы привести его в порядок: посадил множество цветов, приобрёл различные сосуды, провёл воду из горного ручья. Каждый день я усердно ухаживал за этим местом, и теперь маленький дворик наполнился атмосферой мирской жизни.

Я написал письмо: «Завтра в час Ю, у восточных ворот города, надеюсь встретиться с тобой, чтобы вместе насладиться первым зимним снегом».

Цин Ту всегда возвращался в Фансиньцзюй на пятнадцатый день месяца, поэтому я не беспокоился, что он не увидит моего письма. Но на всякий случай я несколько раз напомнил Хуа Лю, чтобы тот обязательно передал послание Цин Ту, если увидит его. Хуа Лю, раздражённый моими наставлениями, лишь небрежно кивнул.

На следующий день я встал в час Чэнь и тщательно привёл себя в порядок. Накануне я купил много новой одежды, но, перебирая её, никак не мог найти то, что бы меня полностью удовлетворило.

Я предпочитал скромные наряды, но Цин Ту любил роскошные одеяния, поэтому я выбрал парчовый наряд, расшитый цветами всех четырёх сезонов, с золотыми и серебряными нитями, которые переливались при движении. На пояс я прикрепил орхидеи, а одежду долго пропитывал ароматами орхидей и османтуса, так что при каждом движении от неё исходил тонкий аромат.

Я аккуратно уложил волосы, сделав модную причёску, и украсил их свежими цветами.

Так я провозился до полудня, но наконец закончил свои приготовления.

С вчерашнего дня я ничего не ел, чтобы избежать неприятного запаха изо рта.

Сразу после полудня я отправился к восточным воротам, чтобы заранее занять место. Я встал на видном месте, боясь, что Цин Ту не сможет меня найти.

Мирская суэта окружала меня: торговцы предлагали различные лакомства. Я купил много угощений, но сам не стал их есть, решив оставить для Цин Ту, который очень любил такие вещи.

Торговцы, видя мою щедрость, начали предлагать свои товары, и я приобрёл несколько кувшинов вина, которое было особенно ароматным — Цин Ту любил его.

Я был буквально увешан покупками, словно передвижная лавка, и стоял у ворот, привлекая внимание. Люди шептались, указывая на меня, как на диковинку, но мне было всё равно.

Обычно строгие городские ворота сегодня казались более мягкими. Улицы постепенно заполнялись людьми, повозки и лошади создавали оживлённую атмосферу. По обеим сторонам улицы висели разноцветные фонари: кролики, львы, рыбы и драконы...

Я купил фонарь в форме рыбы-дракона, думая, что Цин Ту, не увидев его, будет разочарован. Затем я купил ещё один, и ещё, пока не набрал целую кучу. Люди всё больше указывали на меня, спрашивая, зачем мне столько фонарей, если я не торгую ими. Я лишь улыбался, отвечая, что это для любимого человека.

Фонари излучали оранжевый свет, а нарядные мужчины и женщины прогуливались под их светом, их лица освещались то ярким, то смущённым выражением.

Первый снег начал медленно падать, лёгкий, как пух, как облака, как белые цветы груши на бумаге.

Час Ю прошёл, но Цин Ту не появился. Я подумал, что что-то задержало его, но это не имело значения.

Час Сюй прошёл, и лакомства в моих руках остыли. Я попросил продавца разогреть их, но он не пришёл. Я решил ждать дальше.

Час Хай прошёл, люди спешили мимо, и один из них опрокинул кувшин с вином, забрызгав мою одежду. Но мне было не холодно.

Час Цзы прошёл, одежда, пропитанная вином, прилипла к телу и замёрзла. Я вдруг почувствовал, что мне стало немного холодно.

...

Тот, кого я ждал, так и не пришёл!

В этот день я видел, как улицы города постепенно освещались фонарями, а затем снова погружались во тьму.

В этот день я видел, как первый снег начал падать, становился всё сильнее и, наконец, покрыл весь город Цзиньлин.

В этот день, одетый в нарядное платье, с кувшином вина, я видел, как вокруг меня пары гуляют вместе, а я остался один со своей тенью в снегу.

Возможно, мне не следовало видеть мирскую суету.

Я внезапно поднялся на городскую стену. Час Цзы уже прошёл, и, хотя комендантского часа не было, улицы опустели из-за снегопада.

Я отпил из нового кувшина вина, и тело немного согрелось. Я громко произнёс, обращаясь к городу:

— У меня есть возлюбленный, его красота непревзойдённа, ни на небе, ни на земле нет ему равных. Я люблю его, он единственный для меня, и в этой жизни я не смогу быть с кем-то другим.

— Год за годом, день за днём, только он — тот, кого я помню. Он говорит, что я уникален в этом мире, но не знает, что он для меня — настоящий дар судьбы.

Я допил кувшин вина и, как сумасшедший, продолжал кричать на городской стене. Не удовлетворившись, я выпил остатки вина и швырнул кувшин вниз, продолжая кричать:

— Цин Ту, я люблю тебя, на тысячу лет, только ты один!

Мой голос эхом разносился по городу, но Цзиньлин оставался безмолвным, не отвечая мне.

Люди внизу собрались, перешёптываясь. Я услышал, как кто-то сказал, что я влюблённый безумец, а кто-то — что я пьяный сумасшедший.

Цзиньлин проснулся! Рассвело! Но я, выпив слишком много, был пьян!

Я вернулся в Тунсиньцзюй в полном беспорядке, и Хуа Лю смотрел на меня с ехидной улыбкой.

А Цин Ту, сонный, прислонился к дверному косяку:

— Маленький урод, куда это ты ходил воровать? Почему ты такой грязный? Я уже говорил тебе, нельзя заниматься такими делами...

Я снял с себя все покупки, руки дрожали от холода, и, снимая фонарь в форме рыбы-дракона, я случайно порвал его. Сердце сжалось, но я подошёл и аккуратно разложил всё, что купил.

Цин Ту продолжал ворчать, но я перебил его, громко сказав:

— Я не воровал!

Затем тише добавил:

— Это я купил для тебя, чтобы ты мог развлечься.

— Вино из мира людей, я попробовал, оно очень хорошее, для тебя.

— Новые лакомства с рынка, они сладкие, ты любишь сладкое, они тебе подойдут, для тебя.

Я сжал несколько фонарей, некоторые были испорчены снегом, узоры на них размылись, и яркие цвета исчезли. Другие были забрызганы грязью, изящный шёлк покрылся пятнами. Некоторые остались только с каркасом, бумага, обтягивающая их, порвалась на холодном ветру.

Я поднял один фонарь и хрипло сказал:

— Это фонарь в форме рыбы-дракона, он очень красив. Я подумал, что ты не видел его вчера на празднике фонарей, и купил их много, но только этот остался целым. Для тебя!

Цин Ту на мгновение замер, оглядел фонарь и все вещи в комнате, нахмурился и отступил на несколько шагов:

— Какой грязный! Какой уродливый!

Я застыл на месте, посмотрел на фонарь в руках. Он действительно выглядел плохо, хотя и был целым. Глаза рыбы были покрыты грязью, и некогда живые глаза теперь казались мёртвыми.

Сегодня ветер был сильным, и мне стало трудно дышать. Я поправил тонкую одежду:

— Да, он уродливый. Тогда я его выброшу!

Я взял фонарь и хотел уйти, но перед этим добавил:

— Все эти вещи тоже испачканы снегом и грязью. Если они тебе не нравятся, выбрось их.

Я уже собирался выйти, но Цин Ту снова сказал:

— Маленький урод, что это за одежда на тебе? Пёстрая и грязная, ты похож на мокрого павлина!

— Тогда я переоденусь. — Я не обернулся, но спросил:

— Ты получил моё письмо?

Цин Ту лениво ответил:

— Ты писал мне? Вчера я был в новой таверне, устал и сразу лёг спать. Маленький урод, я тебе скажу, там была танцовщица, очень красивая, с изящной фигурой, прекрасными движениями и соблазнительными глазами...

Я поспешно вышел из комнаты, оставив Цин Ту с его восхищением позади.

«Правила выращивания рыб», правило 626: «Рыбы любят чистоту, ненавидят грязь!»

«Десять тысяч способов поймать большую птицу», правило 3 627: «Птицы рано ложатся спать, не любят засиживаться допоздна!»

«Вся весенняя любовь ушла впустую!»

Хуа Лю, попав в мир людей, стал ещё толще. Его когда-то мрачное и изящное лицо покрылось морщинами, а узкие глаза почти исчезли под щеками.

<http://bllate.org/book/15420/1372293>